

Елена Шелестова

Не служба, а служение...

За две недели до кончины Василий Данилович Власов (1923-2003) получил письмо из Киева, из редакции ЕСУ (Енциклопедія сучасної України), в котором был извещен о сроке пересылки сведений о себе, уже оговаривавшихся в процессе переписки ранее. Материалы, которые Василий Данилович готовил, после его кончины с указанием даты его смерти оформит и отправит в редакцию энциклопедии Музей западного и восточного искусства и автор этих строк – не только из чувства долга, но и из чувства благодарности. Именно он принимал меня (как и некоторых ныне работающих коллег) на работу в музей и тем самым определил мою счастливую, я считаю, судьбу...

...Я была принята в музейный коллектив, когда этот голубой дворец на углу двух центральных улиц уже был для города тем, что являлось розовой мечтой Пиросмани, призывавшего: «Давайте поставим посреди города стол, будем собираться за ним и говорить об искусстве». Музей был действительно «домом для всех», и не случайно под его гостеприимной крышей нашел в 1967 году пристанище «вольнодумный» клуб «Цвет, музыка, слово» имени М.К. Чюрлениса, организованный Олегом Аркадьевичем Соколовым, работавшим в музее научным сотрудником – экспертом. Василий Данилович, бывший тогда парторгом музея, не мешал его работе, что по тем временам было немаловажно.

Хочется поблагодарить Василия Даниловича и за то, что он не выдал Олега Соколова, художника-диссидента, которого власти даже намеревались одно время выслать из города, и держал его в музее, ценя и уважая его художественную интуицию и эстетическое чутье.

При этом он мог спорить с тем же О. Соколовым до белого каления не только о пресловутом формализме в современном искусстве, но и по поводу почтенной музейной классики. В последнем случае дело касалось так называемых атрибуций – жанра исследовательской музейной работы, которому Василий Данилович был не только предан, но и фатально привязан (уточнение авторства, дешифровка сюжета, идентификация портретируемых и т. п. – дело чем-то сродни криминалистической экспертизе).

Спорили наши музейные коллеги очень жестко: в одном и том же произведении кто-то «видел руку мастера», а кто-то ее «не видел». Памятны дебаты по поводу привезенного самим Василием Власовым в 1940-х годах из ленинградского Эрмитажа портрета венецианской школы эпохи позднего Возрождения. Василий Данилович увидел под рентгеном (дошли у него до этого руки!) в толще нескольких слоев краски монограмму «Ti inv», расшифрованную им как «Тициано инвенто». По чертам лица и, в частности, рисунку на шапочке усталого государственного мужа Власов предположил, что на портрете изображен Франческо Донато, венецианский дож. Уже тогда с этой атрибуцией коллеги не соглашались – и Н.Г. Луцкевич, и О.А. Соколов. В одной из газет появилась статья, как бы положившая конец дискуссии. По прошествии времени произошла «смена вех». Теперь уже многие годы автором считается некто неизвестный, а дож – совсем другой человек, Джироламо Приули.

Василий Власов был творческим человеком в кресле администратора. Он трудился над загадками даже соседнего археологического музея (портрет римского императора Антонина Пия, статуэтка Сераписа, танагрские женские статуэтки школы Практителя и др.). Здесь сказался факт его ученичества у Анны Петровны Чубовой – выдающегося советского ученого-античника, у которой Василий Данилович писал диплом, учась заочно на факультете теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина при Академии художеств СССР.

При всем своем пристрастии к антике Василий Данилович был искусствоведом широкого профиля. Работая над атрибуцией картин, скульптуры и графических работ французов эпохи

Генриха IV или Людовика XVI, итальянцев эпохи Барокко, немало сил и умения он отдал и исследованию авторства фламандца Йордана (XVII в.), которое он заподозрил в одной картине из запасных музейных фондов.

Занимался он и своими современниками, советскими художниками. Под силу ему оказалось выпустить в 60-х годах книгу «Художники Одессы», изданную в Москве. А.К. Лихолет, его преемник на посту директора музея, художник-живописец, считает, что Василий Данилович блестяще справился с задачей: сообщить лаконичные биографические справки об отряде одесских художников той поры и при этом дать сугубо индивидуализированные характеристики их манеры и стиля. «Недовольных я не видел, все были в восторге», – вспоминает Алексей Кириллович.

Василий Данилович был и арт-критиком, выступавшим на страницах местной прессы с анализом удач и промахов тех или иных выставлявшихся одесских мастеров: у него это получалось, ибо он сам был профессиональным художником, окончившим в свое время художественное училище им. Грекова с дипломом живописца-педагога.

Перейдя из музея в педагогический институт, на художественно-графический факультет, он регулярно выступал в роли рецензента дипломных работ студентов, будучи и требовательным, и доброжелательным одновременно. Педагогическая работа у него тоже заладилась. Еще во время его работы в музее он, помнится, первым начал читать ставшую популярной в городе и в районах области лекцию «Шедевры мирового искусства» (с авторским произвольно-свободным подбором иллюстративного материала). Затем уже и мы стали читать лекции на эту тему – каждый на свой вкус.

Нельзя не отметить и его редкостное трудолюбие, и работоспособность – он был трудоголиком, как сейчас это называют. Весьма ценил он подобное качество и у своих подчиненных, помню его замечательный административный афоризм: «Поручи самое срочное и ответственное дело самому занятому – не ошибешься»...

Он любил искусство возвышенно, но при этом не отрывал его от жизни. «Все прекрасное в искусстве родилось из любви к жен-

щине», – часто за праздничным столом (в музее всегда любили застолья) он произносил этот тост, отталкиваясь от известного высказывания близкого ему по романтическому духу Максима Горького.

Долгие годы, уже не работая в музее, Власов часто приходил сюда не только на выставки, но и для встреч со своими любимыми экспонатами, например, с итальянской «Химерой», атрибутированной им как произведение эпохи Средневековья.

«По жизни» он был человеком честных правил, нравственным максималистом. Не случайно в битве под Сталинградом солдат Василий Власов получил в числе прочих медаль «За боевые заслуги». На гражданском же поприще он был удостоен – никто не сомневался тогда, что заслуженно, – ордена «Знак почета». Да, он прожил «правильную» и красивую жизнь. Не дала судьба ему погибнуть на озере Балатон в Венгрии, где он закончил войну, раненным пролежав под снегом трое суток, пока его не нашли санитары, подбиравшие убитых. Есть еще в музее люди, которые восхищаются им, помня не только его мягкость и доброту, но и непримиримость к карьеризму и наглости, когда он, независимо от ранга носителя подобных качеств, во всеуслышание бросал свое убийственно хлесткое словцо: «Каналья!».

Что ж, работа в музее делает нас философами, мы прочно усваиваем, что жизнь коротка, а искусство вечно, и что постижение его тайн простирается в бесконечность.

Но преданность тайне творчества, демонстрировавшая умение Владимира Власова брать очень высокие планки во славу искусства, достойна того, чтоб для него открылась дверь ее величества истории.

